Смарышева Виктория Алексеевна

КРИЗИС КАК СЮЖЕТ: ДИАГНОСТИКА ПО КЛАССИКЕ

2026

УДК 159.9

ББК 88

С50

Рецензенты:

Секач Михаил Федорович — *д-р психол. наук, профессор*

Фленина Татьяна Александровна — *канд. психол. наук*

Смарышева В. А. Кризис как сюжет: Диагностика по классике. — Санкт-Петербург: 2026. —115 с.

Монография разработана для использования при организации учебной деятельности по курсу «Кризисное психологическое консультирование». Издание содержит материал по кризисной психологии, в котором классические литературные произведения рассматриваются как источник феноменологических иллюстраций кризисных состояний, защитных механизмов и стратегий совладания. Автор анализирует поведение известных героев мировой литературы (Лолита, Настасья Филипповна, Миледи, герой «Ворона» Э. По, Татьяна Ларина, Серафина Делле Роза, Атос, Скарлетт О'Хара, Анна Каренина и др.) через призму современных психологических концепций — травмы, горя, расщепления, диссоциации, ПТСР, суицидального поведения. Работа включает теоретический обзор типов кризисов (нормативных и ненормативных), подробные клинические разборы отдельных персонажей, сравнительные таблицы защитных механизмов и исходов. социальный). Издание адресовано студентам психологических специальностей, практикующим кризисным психологам и психотерапевтам, а также всем, кто интересуется применением художественной литературы для понимания психологии человека в кризисных ситуациях.

© Смарышева В. А., 2026

Оглавление

Оглавление……..…..3
ВВЕДЕНИЕ. КРИЗИС КАК СЮЖЕТ:ПОЧЕМУ ЛИТЕРАТУРА – ЛУЧШИЙ УЧЕБНИК ПО ПСИХОЛОГИИ……..5

ГЛАВА 1. ТРАВМА СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ: УТРАТА СУБЪЕКТНОСТИ И НЕВОЗМОЖНОСТЬ ИНТЕГРАЦИИ 12

1.1. Лолита: ребёнок, которого не заметили (по роману «Лолита» В. Набокова) 14

1.2. Настасья Филипповна: расщепление как способ выживания (по роману «Идиот» Ф.М. Достоевский) 19

1.3. Миледи: клеймо, стигма и превращение боли в оружие (на примере романа «Три мушкетера» А.Дюма).....26

1.4. Травма, которую не замечают: взгляд кризисного психолога.....33

ГЛАВА 2. ГОРЕ КАК УТРАТА ЧАСТИ СЕБЯ..... 40

2.1. Эдгар По: двойник, тень и невозможность целостности (стихотворение «Ворон» Э.По) 48

2.2. Утрата мужа и культ идеализированного объекта на примере Серафины Делле Роза (Т. Уильямс «Татуированная роза»).....52

2.3. Работа горя через интеллектуализацию Татьяны Лариной (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»).....58

2.4. Атос: ПТСР, алкоголизация и медленное саморазрушение («Три мушкетера» А.Дюма) 65

2.5. Терапевтический взгляд: работа скорби в экзистенциальной перспективе 69

ГЛАВА 3. ТРАВМА ВОЙНЫ КАК КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ..... 77

3.1. Отрицание как стратегия выживания и её цена (на примере героини Скарлетт О'Хары) 78

3.2 Ретт Батлер: циничная маска как защита от боли.....85

3. 3. Эшли Уилкс: человек, застывший в прошлом 86

3. 4. Мелани Гамильтон: адаптация без потери себя.....87

3. 5. Четыре типа кризиса идентичности при столкновении травмой военных действий 88

ГЛАВА 4. СУИЦИДАЛЬНЫЙ ИСХОД: ПРЯМОЙ И ОПОСРЕДОВАННЫЙ 92

4.1. Анна Каренина: аномический суицид и крушение смыслов 96

4.2. Катерина Кабанова: фаталистический суицид и патриархальная безысходность 98

4.3. Свидригайлов: экзистенциальный тупик и утрата смысла существования 99

4.4. Вертер: романтическое отчаяние и эстетизация смерти 100

4.5. Эмма Бовари: крушение иллюзий и аномический суицид..... 101

4.6. Типология суицидального поведения 101

ГЛАВА 5. ТИПОЛОГИЯ КРИЗИСОВ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЯХ 105

5.1. Четыре основных типа кризиса 105

5.2. Литература и кризисная психология: параллели и уроки 106

Использованная литература..... 109

ВВЕДЕНИЕ. КРИЗИС КАК СЮЖЕТ: ПОЧЕМУ ЛИТЕРАТУРА — ЛУЧШИЙ УЧЕБНИК ПО ПСИХОЛОГИИ

Еще за много десятилетий до появления психоанализа, теории привязанности и клинических руководств, писатели уже описывали то, что мы сегодня называем кризисом идентичности, травмой и утратой. Авторы талантливо создавали карты человеческой души, описывая мельчайшие психологические штрихи героев, проживающих разные кризисные состояния, от потери возлюбленного, до переживания тяжелых последствий на фоне войн. Литература становится уникальным учебником по психологии именно потому, что она не объясняет, а показывает. Она даёт нам не статистику, а феноменологию: как выглядит страх, как звучит отчаяние, как ощущается крушение привычного мира.

В этой книге мы обратимся к героям мировой художественной литературы — от Евгения Онегина до Серафины Делла Роза, от Настасьи Филипповны до Миледи — чтобы увидеть, как травма становится сюжетом, а кризис — точкой бифуркации, ведущей либо к росту, либо к разрушению. Мы проанализируем не персонажей, а механизмы: защиты, к которым прибегает психика, когда привычные опоры рушатся; стратегии выживания, которые становятся тюрьмой; и, наконец, путь к исцелению, который литература описывает как «преображение» или «прозрение».

Для кризисного психолога литературные герои — не вымысел, а живые кейсы, в которых мы можем увидеть отражение наших собственных клиентов. И, возможно, именно в

этих историях мы найдём ответы на главные вопросы: как человек становится тем, кем он становится, вступая на травматичный путь жизни, и может ли он стать другим?

В современной психологической науке не существует пока общепринятой теории и типологии кризисов. В то же время есть различные типологии, среди которых ряд авторов, в том числе В. Г. Ромек, В. А. Конторович, И. М. Пономарева, Ф. Рупперт и другие выделяют нормативные (кризисы развития (возрастные кризисы), кризисы развития семьи (семейные кризисы)) и ненормативные кризисы (травматические кризисы, кризисы утраты и прочие) (рис. 1).

Рис. 1. Типы кризисов.

Нормативные кризисы развития — переходные этапы возрастного развития, занимающие место между стабильными (литическими) возрастами. В советской психологии понятие кризиса введено Л. С. Выготским и определяется как целостное

изменение личности ребёнка, регулярно возникающее при смене (на стыке) стабильных периодов [30].

Возрастной кризис — это переходный период между возрастными этапами, который неизбежно переживается человеком при движении от одного возрастного этапа к другому по завершении определенных стадий развития

Семейные кризисы (кризисы развития семьи). Понятие «нормативный кризис» связано с термином «жизненный цикл семьи», который впервые был использован в 1948 году Э. Дювалль и Р. Хилом на национальной общеамериканской конференции по семейной жизни, где ими был сделан доклад о динамике семейного взаимодействия. Они рассматривали семью как динамическую систему, функционирование которой определяется действием двух законов: законом гомеостаза и законом гетеростаза (развития). Согласно закону гомеостаза, каждая семья стремится сохранить свое актуальное состояние, остаться в данной точке развития. В соответствии с законом гетеростаза, каждая семейная система должна пройти свой жизненный цикл — некую последовательность смены стадий. При построении своей периодизации авторы опирались на идеи Э. Эриксона и других специалистов по психологии личности, предложивших рассматривать в качестве основы периодизации совокупность задач, специфичных для каждого периода развития.

Одной из наиболее известных периодизаций в отечественной психологии семьи является периодизация, предложенная Э. К. Васильевой, выделившей пять стадий семейного цикла [30]:

1. Зарождение семьи: с момента заключения брака до рождения первого ребенка.

2. Рождение и воспитание детей: продолжается вплоть до момента начала трудовой деятельности хотя бы одного ребенка.

3. Окончание выполнения семьей воспитательной функции: период с начала трудовой деятельности первого ребенка до того момента, когда на попечении родителей не остается ни одного из детей.

4. Совместное проживание родителей с детьми, хотя бы один из которых не имеет собственной семьи.

5. Супруги живут одни или с детьми, имеющими собственные семьи.

Каждый новый этап связан с изменением всех основных параметров структуры семьи. Многие семьи успешно разрешают эту ситуацию, перестраиваясь и адаптируясь к новым условиям. Этот процесс, как правило, сопровождается личностным ростом членов семьи. Однако если семье не удается перестроиться, то решение задач последующего периода жизненного цикла семьи затрудняется, что может, в свою очередь, усугубить прохождение очередного нормативного кризиса (см. табл. 1). Исследования жизненного цикла семьи показали, что в моменты нормативных стрессов семьи нередко возвращаются к ранним моделям функционирования (механизм «регрессии») либо останавливаются в своем развитии, фиксируясь на определенном этапе (механизм «фиксации»)

Следующим типом кризиса являются *ненормативные кризисы*, и именно они являются предметом данного курса.

Ненормативные кризисы еще называют травматическими, так как они сопровождаются нанесением человеку психической травмы.

К классическим видам психической травмы относят экстремальные травмы, связанные с угрозой жизни, здоровью и благополучию, и травмы утраты и личностный кризис. В связи с этим ненормативные или травматические кризисы разделяют на два типа: *экстремальные кризисы и кризисы утраты близкого и личностный кризис*. Эти кризисы возникают под воздействием кризисной ситуации. Кризисная ситуация — это ситуация, выходящая за рамки обычного опыта, то есть, к ней нет готовых адаптивных стереотипов поведения. Такая ситуация вызывает потрясение человека и изменение его привычной картины мира. Выделяют два типа кризисных ситуаций: экстремальные ситуации (природные бедствия, техногенные катастрофы, различные виды насилия, в том числе терроризм и пр.) и ситуации утраты близкого (разлучение матери и ребенка, смерть близкого человека, развод и пр.).

Так же, как и понятие «кризис», понятие «психическая травма» в настоящее время не имеет общепринятого, четкого определения в медицинской и психологической литературе. Понятие «психическая травма» впервые появилось в научной литературе в конце XIX века. Как отмечает И. Г. Малкина-Пых, наибольшее распространение это понятие получило в рамках теории посттравматического расстройства и сформировавшейся в конце 1980-х годов кризисной психологии. Большинство авторов подчеркивает, что психическая травма представляет собой переживание особого рода. Она возникает в ситуациях угрозы существованию человека, нарушения его нормальной жизнедеятельности. Поэтому первой реакцией человека на травматическую ситуацию является потрясение. Немецкий психотерапевт Готфрид Фишер определяет психическую травму как витальное переживание дисбаланса между угрожающими обстоятельствами и индивидуальными возможностями преодолеть их, сопровождающееся чувством беспомощности,

незащищенности, вызывающее длительное потрясение и изменение в понимании себя и мира. Главным содержанием психической травмы является утрата веры в то, что жизнь организована в соответствии с определенным порядком и поддается контролю. Травма разрушает привычную картину мира личности, затрагивая такие ее базовые иллюзии, как иллюзию бессмертия, справедливости и простоты устройства мира. Иллюзия собственного бессмертия постепенно формируется у ребенка в процессе освоения окружающего мира, как психологическая защита. Она помогает нормализации эмоционального состояния ребенка, когда все пугающее и страшное он не относит ни к себе, ни к близким людям. По мере развития и взросления личности эта иллюзия продолжает существовать, но, как правило, не осознается. Кризисное событие, как отмечает Е. М. Черепанова, обрушивается на человека, нарушает его психологическую защиту и превращает уютный и стабильный мир в хаос. Второй базовой иллюзией является иллюзия справедливости. Для формирования чувства стабильности и эмоциональной устойчивости у ребенка в процессе взаимодействия с родителями и другими близкими людьми возникает вера в то, что явления окружающего мира постижимы, упорядочены и справедливы. И с детства в душевный мир человека привносится такой закон мироздания, из которого следует, что «плохое» случается только с «плохими людьми» и каждый получает только то, что заслуживает. Таким образом, пока мы будем вести себя «хорошо», с нами ничего не случится. Как и иллюзия бессмертия, иллюзия справедливости устройства мира продолжает существовать у взрослеющего человека. И ее существование подтверждают такие обычные для попавших в кризисную ситуацию людей вопросы, как: «За что это мне?» и «Почему это случилось со мной?». Третьей иллюзией, которая формируется у ребенка и помогает ему приобрести чувство

стабильности и безопасности, является иллюзия простоты устройства мира. Эта иллюзия базируется на представлении, что мир делится на две противоположные части: черную и белую, хорошую и плохую, добрую и злую. Как отмечает Е. М. Черепанова, у ребенка отсутствуют полутона и диалектика мировосприятия, весь мир для него как бы поделен на две антагонистические части. Понятно, что его родные и близкие, в том числе он сам — это добро, а те, кто выступает против них, — это зло. Так еще в детстве мир ребенка делится на «наших» и «не наших». Экстремальная ситуация разрушает и эту иллюзию, поэтому после нее у людей, как правило, возникают чувства беспомощности, незащищенности, стыда, вины и страха. При переживании травматического кризиса у человека возникают состояния различной тяжести — кризисные состояния. Кризисное состояние — это состояние, которое возникло в результате потрясения, переживания особого рода под воздействием кризисной ситуации.

Личный кризис — это кризис идентичности. Интерес к проблемам идентичности связан с появлением гуманистической теоретической школы психотерапии и психологического консультирования, обозначившей проблемы свободы, ответственности и осмысленности жизни. Сюда часто относят кризис, вызванный неразделенной любовью, изменой [30].

Рассмотрим же подробнее феноменологию ненормативных кризисов героев классических произведений.

ГЛАВА 1. ТРАВМА СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ: УТРАТА СУБЪЕКТНОСТИ И НЕВОЗМОЖНОСТЬ ИНТЕГРАЦИИ

По данным Национального центра биотехнологической информации сексуальное насилие наиболее часто вызывает симптомы стрессового расстройства (ПТСР), в сравнении с другими травмами, однако данных о самом течении ПТСР после сексуального насилия относительно мало. Причиной этому может служить вытеснение, нежелание открыто говорить на эту тему, стыд, а также страх отвержения обществом. Сексуальное насилие, определяемое как нежелательный, неконсенсуальный сексуальный контакт, осуществляемый с применением силы, лишением дееспособности и/или принуждением, является распространённой формой травмы. По всему миру в течение жизни около 12 % женщин и 2 % мужчин сталкиваются с насильственным проникновением. Чаще всего жертвами сексуального насилия становятся дети, в возрасте до 13 лет, в два раза чаще девочки, чем мальчики, однако, данная статистика говорит лишь о тех случаях, о которых стало известно.

К сексуальному насилию относятся изнасилование, сексуальное домогательство, насильственный петтинг (ощупывание, «игра с телом», манипуляции с половыми органами или принуждение к ним жертвы), инцест (сексуальные действия с родственниками, например, отца с дочерью, матери с сыном, братьев и сестер), принуждение к анальному или оральному сношению, эксгибиционизм (демонстрация половых органов), вуайеризм (систематическое подглядывание за другими людьми, в частности, за их интимной жизнью), скабрезные замечания и т.п. Стоит отметить, что основным мотивом насильника является вовсе не достижение сексуального удовлетворения, а ощущение собственной силы и власти над другим человеком. Утверждение, что насильник не мог контролировать себя в

определенный момент (например, под воздействием алкоголя) или будто жертва сама спровоцировала насилие (надев короткую юбку или гуляя поздно вечером), ошибочно – это лишь оправдание с целью снять с себя ответственность за совершенное. Насилие совершается не потому, что он не может контролировать себя, а потому, что он хочет контролировать другого человека [30].

Сразу после сексуального насилия у большинства пострадавших могут проявляться симптомы ПТСР, однако, международные лонгитюдные исследования показывают, что в течение нескольких месяцев после происшествия встречается частичная естественная ремиссия первоначальных симптомов, которые потом могут заново проявиться при сопутствующем триггере. В клинической картине ПТСР, как правило, выделяют следующие группы симптомов: симптомы повторного переживания (повторяющиеся образы, воспоминания, сновидения, флэшбэки), симптомы избегания и симптомы повышенной возбудимости [26].

Показано, что характер последствий изнасилования зависит от особенностей ситуации и отношениями с насильником. При знакомом насильнике повышается уровень депрессии и самообвинений, а при незнакомом снижается ощущение справедливости и возможности контролировать события [14].

При инцестных отношениях в отношении несовершеннолетних, последствия заключаются в следующем: «кровосмешение обычно воспринимается детьми эмоционально, как предательство, наносящее большой душевный ущерб, порождающий низкие уровни в установке социальных связей, депрессию, булимию, тревожность, низкое самоуважение, неуверенность» [29].

Подвергшиеся насилию могут винить себя, продолжать общение с насильником, попадая в зависимость от агрессора, нередко полагая, что проблема только в них, боясь поделиться своим опытом даже с самыми близкими, так как есть существенные опасения, что им не поверят.

1.1. Лолита: ребёнок, которого не заметили (по роману «Лолита» В. Набокова)

В литературных произведениях мы нередко сталкиваемся с описанием героев и героинь, у которых в прошлом были эпизоды сексуального насилия, одним из таких примеров является роман Владимира Набокова «Лолита»[31].

У автора Лолиты были собственные воспоминания о сексуальном насилии в детстве. В своей автобиографии он упоминает, что, когда ему было восемь или девять лет, его дядя «неизменно брал меня на колени после обеда и (пока два молодых лакея убирали со стола в пустой столовой) ласкал меня, напевая …». Набоков сообщает, что «чувствовал неловкость за дядю в присутствии слуг» [29, с. 68]. Краткость и незавершенность подобной цитаты оставляет место догадываться, в какой действительно степени были подобные «ласки» и, насколько именно они повлияли на будущего писателя, возможно, оно помогло ему обратить внимание на феномен сексуального насилия над детьми как писателю [57].

В «Лолите» посредством метафор и яркого повествования писателю удалось феерично опровергнуть несколько мифов о сексуальном насилии над детьми, опередив свое время на несколько десятков лет. В частности, один из мифов, который он элегантно развеивает - миф о сексуальном преступнике как

об отвратительном персонаже, которого общество может легко идентифицировать [57]. В романе, Гумберт умен, с отменным чувством юмора и эрудицией, выглядит уязвимым, что сбивает с толку читателей и даже критиков. В одном из интервью сам автор, описывая персонажа, ответил: «Гумберт Гумберт — тщеславный и жестокий негодяй, которому удаётся казаться „трогательным“. Этот эпитет, в его истинном, слезливо-ироничном смысле, может быть применён только к моей бедной маленькой девочке» [23, с.4]. Эта видимость нормальности сексуальных насильников, к сожалению, до сих пор часто ставит под сомнение достоверность показаний жертвы насилия (особенно ребёнка) в связи с тем, что такие поступки обычно приписываются «нелюдям», «людоедам», а вовсе не порядочным, респектабельным и успешным. Тут хотелось бы сделать оговорку, что сексуальное насилие может быть совершено не только мужчиной, но и женщиной, а жертвами могут стать как дети, так и взрослые. Сложившиеся в обществе стереотипы, недостаток информации может сбивать с толку.

Второй миф, разбиваемый Набоковым, — это утверждение, что акт насилия равен любви. В отношениях с Лолитой описано много страсти, но только в конце Гумберт признает себе, что между ними не было истинной близости, Гумберта не волновали чувства и желания Лолиты, и, как пишет Эллен Пайфер во введении к «Лолите» Владимира Набокова, он «редко обращает внимание на ребёнка, которого держит в плену» [54, с. 279].

Третий миф: жертва (в романе ребенок) - соблазнительница. Гумберт пишет в своём дневнике: «Хладнокровные присяжные!… Я расскажу вам нечто очень странное: это она [Лолита] совратила меня» [22, с. 132].. Набоков преднамеренно описывает Лолиту, какой ее увидел Гумберт впервые,

двенадцатилетней девочкой. Тут у нас может появиться определенное рассогласование с образом, переданным в кинематографической вселенной, но мы опираемся в анализе именно на описание из текста. «В конце Гумберт догадывается, что разрушил лолитино детство, и поэтому страдает.… Гумберт перепутал патологию любви с человеческой любовью и мучится угрызениями совести. И тогда-то понимает, почему пишет книгу» [51,с. 24—25].

Тем не менее, если верить мифу о соблазнительнице-ребёнке, как следствие, возникает четвёртый миф: жертва (ребёнок) несёт ответственность за насилие. Робертсон Дэвис очень четко дал этому свое определение «не развращение невинного ребёнка хитрым взрослым, а эксплуатация слабого взрослого испорченным ребёнком» [42].

Если же следовать психологическому анализу, мы должны помнить, что читатели видят Лолиту только через предвзятое описание Гумберта, и ему удобно считать её сексуально развитой. Однако даже если бы это было так — представим, что до встречи с Гумбертом Лолита ранее подвергалась сексуальному насилию со стороны других мужчин Шарлотты,потом уже Куильти и сына начальницы лагеря, как следствие, развила сексуализированное поведение, как и многие дети, подвергшиеся насилию. Такое ранее сексуализированное поведение должно было послужить сигналом о помощи, а не оправданием соблазнению. Вера Набокова описывала это так: «Хотелось бы, однако, чтобы кто-нибудь заметил нежное описание беспомощности ребёнка, её жалкой зависимости от чудовищного Г. и её душераздирающей храбрости, достигшей кульминации в этом убогом, но по сути, чистом и здоровом браке» [55].

Другой миф в этом списке – это представление о сексуальном преступлении как импульсивном акте, а не о тщательно спланированном действии. В сюжете книги (как и в обычной жизни делают многие педофилы) Гумберт сначала присматривается к семейной системе, окружающей Лолиту, видит, что ее мать больше заботится о себе, чем о безопасности дочери, женится на ней, приблизившись к жертве. Лолита одинока, кроме матери, у нее никого нет. В качестве доказательства планирования мы можем вспомнить сцену, в которой Шарлотта обнаруживает дневник Гумберта, в котором он описывает свои «наблюдения» за девочкой, а также сцену подмешивания Лолите в напиток снотворного. К планированию относится и то, что Гумберт прекрасно соотносит свои действия с законом, запугивает Лолиту Департаментом общественного благосостояния, тюрьмой и даже угрожает убить ее, если она кому-то расскажет. Тактика «создания фона общей тайны и общей вины» воссоздается им словно по нотам [23, с. 151; 57].

Пятый миф связан с минимизацией последствий насилия для ребенка. Как видно из сюжета романа, Лолита демонстрирует депрессивную симптоматику, часто плачет перед сном, ее успеваемость снижается, она легко попадает в ловушку порнографической индустрии, лишь бы сбежать от влияния Гумберта, ее ранее сексуализированное поведение также подтверждает характер травмы. Финал говорит нам о том, что Лолита умерла в родах, родив мертвую девочку, это можно рассмотреть как символ ее самой, «убитой» взрослым в детстве.

Психоаналитические подходы неоднократно пытались провести анализ центральных персонажей романа. Например, в эссе Коллин Ламос 2006 года «Желание, смерть и отношения матери и дочери в «Лолите» Набокова» роман рассматривается через призму теории объектных отношений, исследуя, как

непростые отношения Лолиты с матерью и Гумбертом формируют её психологическое развитие. Рассматривая сложное взаимодействие желания, утраты и формирования идентичности, Ламос проливает свет на глубокие психологические шрамы, оставленные Лолитой в результате пережитого насилия и одиночества. Работы Карут, в частности, её книга 1996 года «Невостребованный опыт: травма, нарратив и история», исследуют, как травма нарушает и фрагментирует связность повествования. Карут утверждает, что травматический опыт часто характеризуется парадоксальным сочетанием знания и незнания, поскольку разум пытается обработать и интегрировать потрясающие события. Это понимание может помочь пролить свет на часто бессвязную и эллиптичную природу повествовательного голоса Лолиты, переданного читателю через ненадёжное повествование Гумберта. Наконец, книга ван дер Колк 2014 года «Тело ведёт счёт» предлагает всесторонний обзор физиологических и неврологических последствий травмы. Ван дер Колк подчёркивает, как травма может изменить развивающийся мозг, приводя к трудностям с эмоциональной регуляцией, контролем импульсов и межличностными отношениями. Эти выводы имеют решающее значение для понимания долгосрочных последствий насилия над Лолитой на ее психологическое развитие и поведение [58].

1.2. Настасья Филипповна: расщепление как способ выживания (по роману «Идиот» Ф.М. Достоевский)

Настасья Филипповна Барашкова — один из самых противоречивых женских образов в русской литературе. Достоевский создал персонажа, который одновременно вызывает сострадание и отвращение, восхищение и ужас. Как отмечает исследователь М.М. Бахтин, она «всегда присутствует в сознании и жизни героев как роковая, трагическая женщина»[3]. Однако за трагической маской скрывается глубокая психологическая травма, сформировавшаяся в результате раннего домашнего насилия и стигматизации.

В отличие от Лолиты, чья травма проявляется в диссоциации (защитном механизме психики, при котором человек бессознательно «отключается» от болезненных чувств, воспоминаний или реальности, чтобы справиться со стрессом) и регрессии (защитном механизме, при котором человек ведет себя более инфантильно, «выбирая» детские способы реагирования), и Миледи (анализ которой будет приведен далее), чья травма трансформируется в агрессию, Настасья Филипповна демонстрирует расщепление — одновременное существование двух полярных Я-образов, что приводит к хронической неспособности сделать выбор и интегрировать опыт.

Как пишет сам Достоевский, она является «беспокойной и фантастической личностью, порвавшей со всякой почвой и отчаявшейся в своем возрождении»….Ее внешность также отличается противоречиями: «… необыкновенной красоты женщина … в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона, волосы, по-видимому, темнорусые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокие, лоб

задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное. Она была несколько худа лицом, может быть, и бледна»[7].

Сексуальное насилие в детстве. Прошлое Настасьи было тяжелым. Когда ей было 7, она, дочь небогатого дворянина, потеряла мать. Вскоре скончались отец и младшая сестра. В возрасте 12–13 лет Настасья была взята на воспитание помещиком Афанасием Ивановичем Тоцким, у управляющего которого она до этого жила. Как пишет Достоевский, в 16-17-летнем возрасте она стала его наложницей, а Тоцкий «развратил ее совершенно, готовил из нее, так сказать, светскую любовницу», эти «отношения» длятся 4 года [7]. Обратим внимание на возраст — 12 лет. Как справедливо отмечает исследовательница Мария Карачарова, даже в XIX веке 12-летняя девочка — это ещё ребёнок, который не способен дать осознанное согласие [12]. Тоцкий, будучи старше и обладая властью, систематически нарушал все границы её личности[9].

Утрата субъектности. Тоцкий «не считал нужным её чему-то учить, объяснять ей что-либо, делать из неё личность» [7]. Она становится не человеком, а вещью, объектом для удовлетворения его потребностей. Как отмечает Карачарова, «она является вещью, товаром, который при этом ещё и обесценен» [12].

Клеймо «содержанки» и двойная стигматизация. Тоцким Настасья Филипповна прожила примерно четыре года. Спустя это время Тоцкий стал подумывать о выгодной женитьбе в высшем свете, а Настасью Филипповну собирался устроить замуж — с приданым — за какого-нибудь добропорядочного чиновника из другой губернии. Однако в этот момент Настасья Филипповна появилась в Петербурге и проявила характер, которого Тоцкий до сих пор в ней не замечал. Она заявила, что ей совершенно безразлично, на ком он женится и женится ли

вообще, но что она намерена отомстить ему за унижение, которому он её подверг, — отплатить так, чтобы он сполна почувствовал нанесённую. И решив, Настасья Филипповна не побоится погубить себя, лишь бы погубить его самым позорным образом,— Тоцкий решил пока её успокоить. Он поселил её в Петербурге и окружил ещё большей роскошью. Но на этот раз никаких выгод он уже не получил: спустя пять лет он по-прежнему находился в зависимости от Настасьи Филипповны. Она не подпускала его к себе, не поддавалась ни на подарки, ни на подсылаемых к ней кавалеров, а её присутствие рядом с Тоцким делало невозможным его план жениться на ком-либо другом. Задумав жениться на дочери генерала Епанчина — с его согласия и при его содействии, — Тоцкий стал просить у Настасьи Филипповны прощения и освобождения от сложившегося положения. Неожиданно Барашкова пошла ему навстречу и согласилась выйти замуж за служащего генерала Епанчина — Гаврилу Ардалионовича (Ганю) Иволгина, получив от Тоцкого значительное приданое. С точки зрения закона многие исследователи описывают, что Тоцкому юридически было нечего опасаться от Настасьи Филипповны, однако согласно Уложению о наказаниях 1845 года в ст. 2007 (соответствует ст. 1532 в редакции 1885 года), в те годы также было предусмотрено нести ответственность за обольщение и обесчещение несовершеннолетней лицом, состоявшим с ней в особых отношениях, а именно к такому и относится совершенное по отношению к 12 летнему ребенку.

После разрыва с Тоцким Настасья не может интегрироваться в нормальное общество — её прошлое делает её «падшей». Это приводит к двойной стигматизации: с одной стороны, её презирают «порядочные женщины»; с другой — она не может быть просто любовницей, потому что «пострадала» и хочет чего-то большего.

Настасья Филипповна постоянно колеблется между двумя полюсами: она то «королева, которая может осчастливить любого», то «падшая женщина, недостойная любви». Как пишет Карачарова, она «сама себя раскладывает на две части: я — та, кого можно уважать, и я — та, кто недостоин уважения» [12]. Когда князь Мышкин говорит ей: «Вы не виноваты», она реагирует истерикой — потому что её расщеплённое «Я» не может принять это сообщение. Именно это нередко происходит с жертвами сексуального насилия, они одновременно могут считать себя «грязными, порочными», постоянно пытаясь одновременно наказать себя за «совращение» и отомстить совратителю за нанесенную обиду. Ребенок, подвергшийся насилию, часто чувствует себя грязным, он чистит как себя, так и все вокруг, поэтому иногда мы встречаем проявления ОКР (общессивно-компульсивного расстройства) в жертвах сексуального насилия. Внешний беспорядок может служить символическими репрезентациями старого травматического ощущения. В случае Настасьи Филипповны ощущение собственной вины и «грязи» от свершившегося проявляется не во внешнем стремлении к порядку, а в расщеплении личности.

Её «бешеная гордость» — это компенсаторная реакция на пережитую беспомощность. Как отмечает Карачарова, «она стала как бы одержима бесом» своей красотой.

Настасья систематически провоцирует отвержение — отказывается от Мышкина, уходит к Рогожину, оскорбляет тех, кто предлагает ей помощь. Это форма повторения травмы (traumatic re-enactment): она бессознательно воспроизводит сценарий, в котором она отвергнута, потому что именно так она научилась существовать. Героиня идеализирует князя Мышкина, видя в нем абсолютное добро и чистоту. Она же демонизи-

рует Рогожина, его страсть проецируя на него собственные пороки.

«Психологически она была моральной мазохисткой, которая стремилась подставить себя под удары судьбы». Для неё боль становится способом подтверждения своего существования. Как пишет Карачарова, «она — "memento mori" в юбке» [12]. Настасья Филипповна демонстрирует хроническую суицидальную идеацию, которая не находит завершения в конкретном акте, но определяет все её выборы. Смерть Настасьи не суицидальное сумасшествие, а апофатический в своей протестности жест [9].

Она постоянно убегает — от Тоцкого, от Мышкина, от Рогожина, от самой себя. Побег — это не активное действие, а пассивная форма агрессии против себя, когда «она, как бы испытывая судьбу, бросалась в омут, проверяя, убьёт её или нет». Как отмечает Карачарова, «она хорошо знает, что Рогожин её убьёт, и сама подталкивает его к убийству: постоянно играет с этим, провоцирует» [11]. Когда в финале романа Рогожин убивает её, он лишь завершает то, что она бессознательно запустила. Это не убийство страсти, а согласованный заранее, но, возможно не до конца осознаваемый сценарий, где оба партнёра играют свою роль. Настасья Филипповна, скорее всего, «сама бессознательно хотела этого» — хотела смерти как освобождения от невыносимой амбивалентности, причем именно внутренней [12].

Князь Мышкин предлагает ей новую идентичность — не «падшей женщины», а «человека, достойного любви». Однако Настасья не может принять это предложение, потому что оно требует от неё интеграции расщеплённого «Я». Как пишет Карачарова, «она боится, что слишком поздно ей всё это даётся, слишком поздно её принимают такой, какая она есть». Традици-

онная интерпретация Настасьи Филипповны как «роковой женщины» (femme fatale) была поставлена под сомнение современными исследователями. За образом «богини», способной «лишить спокойствия и разума» всех мужчин, стоит неврологический дефицит — женщина, которая «просто очень устала жить» [12]. Настасья «просто хочет человеческого к себе отношения», но одновременно часть ее личности не дает ей этого принять. Её защитные механизмы настолько сильны, что даже не позволяют увидеть возможность помощи.

Проведённый психологический анализ образа Настасьи Филипповны позволяет выделить несколько ключевых аспектов, важных для кризисной психологии:

1. Расщепление как защита от невыносимой боли. Настасья не может принять себя целостной — она разделена на «королеву» и «падшую». Психотерапевтическая работа с клиентами, пережившими сексуализированное насилие в детстве, часто сталкивается с аналогичным расщеплением. Интеграция невозможна без работы с виной (осознанием роли нападавшего) и стыдом (ощущением, что меня теперь не смогут полюбить), которые Настасья не позволяет себе осознать.

2. Провокация отвержения как повторение травмы. Настасья сама создаёт ситуации, в которых её отвергают, потому что это единственный способ существования, который она знает. Первый уход Тоцкого запустил этот сценарий. Выход из этого цикла требует создания новой модели отношений, что для неё оказывается невозможным.

3. Амбивалентность как форма суицидального поведения. Она постоянно выбирает между жизнью (Мышкин) и смертью (Рогожин), но не может выбрать ни то, ни другое. Её